

ТЕАТРЪ и ЖИЗНЬ

СЪ ПРОГРАММАМИ И ЛИБРЕТТО СЛЪ ТЕАТРЪ

Годъ изданія II-й.

№ 292.

Вторникъ, 4 Марта 1914 г.

Цѣна 5 к.

Гастроли Поссарта.

Лессинговскій «Натанъ Мудрый» и шекспировскій «Шейлокъ» — два противоположныхъ полюса во взглядахъ человѣчества на еврейство, нашли идеальнѣйшаго исполнителя въ одномъ и томъ же лицѣ, въ Поссартѣ. Привыко говорить, что лучшій въ мірѣ «Натанъ Мудрый» — это Поссартъ. Лично мнѣ кажется, что самый сильнѣйшій «Шейлокъ» въ мірѣ тоже Поссартъ. Нѣмецкій гость — докторъ философіи. Багажъ серьезнаго философа необходимъ для трактовки обѣихъ ролей, созданныхъ гениальными англичаниномъ и нѣмцемъ.

Удивительная особенность поссартовскаго таланта создавать потрясающее впечатлѣніе, не прибѣгая къ пафосу. Помните, какъ ведутъ сцену въ судѣ итальянскіе трагики? Знаете вы, какъ ведетъ эту сцену знаменитый Ольриджъ? Шейлокъ проявляетъ къ Антонио стихійную ненависть: глаза у Шейлока горятъ, губы трясутся, онъ весь полонъ ожиданія, онъ предвкушаетъ физическія страданія гордаго муща. Я помню итальянцевъ, я знаю, какъ ведетъ эту сцену Ольриджъ. И у итальянцевъ, и у Ольриджа страшная сила въ движеніи...

А у Поссарта... Какъ онъ хладнокровенъ въ этотъ моментъ, сколько въ немъ увѣренности, что судъ не можетъ отказать ему въ его правѣ на фунтъ мяса, сколько въ немъ жажды мести за поруганную юность, когда онъ долженъ былъ пресмыкаться во прахъ передъ гордыми патриціями, когда онъ съ видомъ покорной собаки долженъ былъ сносить

всѣ сыпавшіяся на него пинки и моральныя удары, сколько желанія отомстить за себя, за свою поруганную юность, за страданія своего народа... И все это вы читаете въ этой фигурѣ, выкованной изъ стали, въ этомъ холодномъ и увѣренномъ взглядѣ, въ этомъ сознаніи своего превосходства, законнаго превосходства. Онъ не торопится... Куда ему торопиться, когда жертва все равно отъ него не уйдетъ... Какая страшная, стихійная сила въ этомъ спокойствіи...

И вдругъ катастрофа... Жертва ушла изъ его рукъ... Шейлокъ перерождается... Сначала онъ неистовствуетъ, а потомъ какъ онъ становится жалокъ. До того жалокъ, что... становится жалко Шейлока...

До такого драматическаго подъема не доходить ни одинъ изъ изобразителей Шейлока. Такъ передаетъ Шейлока только великій Поссартъ.

Если въ «Натанѣ Мудромъ» Поссартъ сосредоточиваетъ, какъ въ фокусѣ, всѣ черты благороднѣйшаго изъ людей, то въ Шейлокѣ онъ воплощаетъ всю вѣковую боль, всѣ міровыя скорби еврейскаго народа, приговореннаго жизнью къ вѣчнымъ мукамъ и страданіямъ. Я ненавижу Шейлока, какъ ростовщика. Но Поссартъ освѣщаетъ это ростовщичество со стороны его философской цѣнности. Поссартъ умѣетъ облагородить даже Шейлока...

В. Маровъ.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА